

— Хм, — Бай Цинцзю молча ковырялся в еде, не зная, какие ещё вежливые слова можно сказать между братьями.

— Тогда береги себя, мы ещё увидимся.

— Счастливого пути.

Когда Ся Чанъянь уходил, он бросил взгляд на Ся Юя, полный ярости. Ся Юй стиснул зубы:

— Брат, ешь не торопясь, я выйду ненадолго.

Как только дверь закрылась, Ся Юя прижали к стене, его руки скрутили за спиной. Сила Ся Чанъяня была нечеловеческой.

Ся Чанъянь прошептал ему в ухо:

— Ся Юй, как ты обещал мне? Ты вернулся из-за границы, я пока не вмешиваюсь, но если ты привлечёшь чьё-то внимание, что мне с тобой делать?

— Я...

— Я знаю, тебе жаль того человека в комнате, но сначала ты должен укрепить своё положение в семье Ся, иначе мы все погибнем.

— Мужун Цинь знает.

Взгляд Ся Чанъяня стал острым, словно он мог прорезать его шею:

— О? Это ты сказал?

— Не я.

— Неважно. Мужун Цинь хочет захватить власть в семье Мужун, но ему придётся пройти через меня. Я беспокоюсь о тебе, понимаешь?

Ся Юй кивнул:

— Отпусти меня, кто-то идёт.

Ладонь Ся Чанъяня скользнула к его пояснице, сильно сжав:

— В следующий раз, если ты будешь так дурачиться, всё будет не так просто.

Ся Юй вырвался из захвата, потирая синяк на запястье:

— Понял.

— Молодец. Через пару дней поедешь со мной в дом Ся и сыграешь роль безобидного младшего брата.

Когда Ся Юй вернулся, Бай Цинцзю быстро проглотил несколько кусочков, делая вид, что ест с аппетитом. Ся Юй забрал у него коробку с едой:

— Если не хочешь есть, не ешь.

Бай Цинцзю облизал губы:

— Сяо Юй, это твой брат? Он выглядит немного...

— Он просто выглядит строгим, на самом деле...

На самом деле он ещё более извращённый, жестокий и безжалостный убийца.

Ся Юй улыбнулся:

— На самом деле он хороший человек.

— Ну и хорошо. Когда ты поедешь в дом Ся, тебя не будут обижать.

— Если я поеду в дом Ся, мы больше не будем братьями.

— Хм, — Бай Цинцзю широко раскрыл глаза, выглядя растерянным.

Ся Юй посмотрел на живот Бай Цинцзю, его лицо выражало грусть и разочарование:

— Что бы ни случилось, как бы ты ни решил, я всегда буду рядом с тобой.

Бай Цинцзю занервничал:

— Сяо Юй...

— Не уговаривай. Мои чувства к тебе не сиюминутны. Я уже давно не могу относиться к тебе как к брату.

Это было просто абсурдно! Совершенно абсурдно!

Бай Цинцзю хотел закричать, чтобы образумить его, но слова застряли в горле, вызывая ещё большее смущение, чем пять лет содержания.

И самое страшное — Мужун Цинь всегда знал!

Если всё это не сильно отличалось от ситуации пятилетней давности, то Мужун Цинь, должно быть, тысячу раз назвал его идиотом в душе.

Ся Юй ушёл, сказав, что идёт на работу и вернётся позже.

Бай Цинцзю не хотел его видеть, не хотел видеть никого. Он ночью перебрался обратно в общежитие. После выпуска университет предоставлял квартиры выпускникам, которые не могли найти работу. Если он не ошибался, у Бай Цинцзю здесь была маленькая комнатка.

Бай Цинцзю прибрался в комнате. На столе лежало множество эскизов. Он решил, что они бесполезны, и собрался выбросить их.

Когда он кидал их в мусорное ведро, один лист выпал. На нём был изображён молодой человек с гордым и красивым лицом. Бай Цинцзю быстро смял рисунок. Чёрт, когда он успел нарисовать Мужун Циня?

Он присел. В мусорном ведре было множество рисунков Мужун Циня: холодное лицо, острые черты, но в глазах скрывалась целая вселенная.

Такая откровенная тайная влюблённость... Если бы её обнаружили... Если бы её обнаружили...

Бай Цинцзю опустил голову, увидев, как мужские туфли шагнули в комнату.

— Кто это?

— Ты действительно здесь.

Услышав голос, Бай Цинцзю вздрогнул и быстро схватил мусорное ведро, прикрывая его так плотно, словно собирался его съесть.

Мужун Цинь стоял в маленькой комнате, словно не находя места, и смотрел на него сверху вниз:

— Ты поправился? Уже начал бегать повсюду.

Бай Цинцзю смотрел растерянно:

— Ты... ты же сказал, что не будешь мной заниматься?

— Хм, я просто проходил мимо.

— Проходил мимо и зашёл сюда?

Мужун Цинь бросил что-то на стол, раздался звон:

— Я принёс ключ.

— Когда ключ оказался у тебя?

— Ты сам мне его дал. Забыл?

— Я... — Бай Цинцзю действительно не мог вспомнить. Нервно, он вспотел:

— А эти рисунки... ты их видел?

— Нет.

— Ох, — Бай Цинцзю облегчённо вздохнул. Одной рукой держа мусорное ведро, другой схватил ключ со стола:

— Спасибо.

Мужун Цинь опустил взгляд:

— Что за сокровище в мусорном ведре, что ты так крепко держишь его?

— Ничего, просто хлам. Я как раз собирался выбросить.

Бай Цинцзю встал, держа мусорное ведро. Это были доказательства его глупости пятилетней давности, и он должен был быстро избавиться от них.

Мужун Цинь указал за его спиной:

— Эй, один лист упал.

— А? Правда?

Мужун Цинь посмотрел на него с выражением, будто он идиот:

— Шучу.

Затем он схватил мусорное ведро, заглянул внутрь:

— Что за ерунду ты нарисовал?

Бай Цинцзю перехватило дыхание:

— Это просто эскизы, господин Мужун. Лучше не смотрите, чтобы не испачкать руки.

— Дай сюда.

— Нет.

Бай Цинцзю быстро направился к двери, но Мужун Цинь ногой захлопнул деревянную дверь. Старая дверь затрещала, чуть не развалившись, издав громкий звук.

Мужун Цинь легко дёрнул, и пластиковое мусорное ведро развалилось. Эскизы разлетелись по полу. Лицо Мужун Циня изменилось, его взгляд застыл на листах бумаги. Было трудно понять, что он чувствовал.

На полу были его изображения: каждая линия, каждая деталь идеально передавала его черты. Некоторые губы слегка приподнимались, что делало его почти неузнаваемым.

Бай Цинцзю было неловко. Он присел, собирая рисунки с пола. Их было так много, он не успевал. Он ненавидел себя пятилетней давности: зачем был таким дураком, зачем постоянно смотрел на него, зачем тайком рисовал его.

В те пять лет Мужун Цинь тоже просил его рисовать, но Бай Цинцзю, держа кисть в руках, проводил дни в мастерской, не в силах нарисовать ни одной линии. Когда человек был перед ним, когда он мог видеть его каждый день, зачем было рисовать?

Мужун Цинь схватил его за руку, поднял. Он всё ещё держал смятые листы, не успев их спрятать. Мужун Цинь сказал:

— Что ты можешь объяснить?

— Я... я не такой, — Бай Цинцзю засунул рисунки за спину. Его уши покраснели, как у варёного кролика.

Мужун Цинь продолжал наступать:

— Ты всё ещё говоришь, что не любишь меня?

Бай Цинцзю стиснул губы, внезапно почувствовав обиду. Его плечи поднялись, и крупная слеза скатилась по щеке. Он упрямо сказал:

— Не люблю.

— Если не любишь, зачем тайком рисовал? Когда я просил тебя рисовать, ты притворялся, что

не умеешь. Это выглядит как неумение? Бай Цинцзю, я всё меньше понимаю тебя. Ты боишься? Боишься, что я тебя брошу?

Бай Цинцзю сдерживал рыдания, невольно вспоминая те пять лет мучений:

— Я знаю, что наше будущее не будет хорошим. Я не хочу... не хочу снова...

Его слова прервал поцелуй Мужун Циня, который схватил его за затылок и яростно прижался губами.

Горячее дыхание мгновенно заполнило его рот. Мужун Цинь захватывал каждый уголок, как бурный поток.

Рисунки выпали из рук Бай Цинцзю. Маленькая комната была в полном беспорядке, не было даже места, чтобы поставить ногу. Мужун Цинь, не раздумывая, столкнул его на кровать.

Кровать была из настоящего дерева, не такая упругая, как большая кровать в доме Мужун. Бай Цинцзю больно ударился о твёрдую поверхность, слёзы капали на подушку.

Он не хотел плакать, просто не мог сдержаться.

Мужун Цинь одной рукой поддерживал его под спиной, другой аккуратно прикрыл живот. Он облизал уголок его губ, его взгляд был необычайно мягким:

— О чём ты плачешь? Я тебя обидел?

Он вспомнил слова, сказанные в больнице, и немного успокоился:

— Ладно, ладно. Допустим, я тебя обидел, но это потому, что ты меня разозлил. Если у тебя проблемы, почему ты не обратился ко мне, а пошёл к тому старику? Разве я не могу тебе помочь?

Бай Цинцзю широко раскрыл глаза. Не говоря ни слова, он снова попытался оттолкнуть его.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16396/1485004>